

МАРИЯ КОРНИЕНКО

ЕЁ ПЕСНЯ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА О КАФФЕ

Мария Корниенко

**Её песня. Главы из
романа о Каффе**

«Автор»

2026

Корниенко М.

Её песня. Главы из романа о Каффе / М. Корниенко — «Автор»,
2026

История юной черкешенки-невольницы и её хозяина, капитана генуэзского
торгового корабля в Каффе XIV века.

© Корниенко М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Черкесия (фрагмент)	7
Глава 2. Каффа: первый год (фрагменты)	9
Глава 3. Каффа: последние два года (фрагмент)	11
Глава 4. Плавание (фрагмент)	14
Глава 5. Генуя (фрагмент)	16
Эпилог	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мария Корниенко

Её песня. Главы из романа о Каффе

Пролог

Каффа, 1365 г.

Все в Каффе знают Джованни ди Монтенегро, что живёт в бурге Бизаньос под башней святого Антония. Да и как не знать, если волосы отрастают — надо стричь, руку порезал — надо зашить, ногу вывихнул — опять ко мне бегут: верни, Джованни, кость на место. У цирюльника работа каждый день есть.

Мне всегда нравилось возиться с ножницами, и родители вняли моим просьбам, устроив учеником к цирюльнику. Да только в моей родной Павии таких как я слишком уж много. Я постигал премудрости ремесла семь лет, чтобы понять, что нет мне в моём городе работы: цирюльники и без того на каждом углу. Не становиться же бродячим брадобреем. Испросил у родителей благословения отправиться в далёкую Геную: шагать до неё почти неделю, но вдруг улыбнётся мне там счастье, город большой, людей много, волосы у всех есть. Да только и в Генуе плохо шли дела: цирюльники местной гильдии смотрели на меня с подозрением, спрашивали: точно ли сдал я экзамен, не шарлатан ли? Деньги заканчивались, я был почти в отчаянии, когда случайно услышал, что освобонилось место цирюльника на корабле, который отправлялся в какую-то Каффу. Я уж был на всё согласен: хоть в Каффу, хоть на край света. Для меня это было одно и то же.

Господи Иисусе, я думал там на корабле придёт конец моего земного бытия. Из меня, жителя Лангобардской равнины, морская качка вытряхнула все силы. Я неделю с койки не мог даже встать. Зачем я здесь, думалось мне, лучше бы я остался дома, вспахивать поле пшеницы. Но через неделю волнение улеглось, паруса словили прямой ветер, и мне сразу полегчало. Я выбрался на палубу и занялся привычным делом: брить, стричь и перевязывать раны. Матросы перестали поглядывать косо, и мне даже удалось заслужить благосклонность капитана, после того как покрасил ему седые волосы.

Матросы говорили, что Каффа — город большой и шумный, но она оказалась больше, чем я думал. А когда я попал на базар, то и вовсе был ошеломлён обилием товаров, новизной ароматов, пестротой нарядов и диковинными разговорами. За три дня в Каффе я набрался впечатлений больше, чем за полжизни у себя дома, в тихой благообразной Павии, что в полудрёме видит сны о славном прошлом Лангобардского королевства. Молодая, шумная, многоязыкая и каждый день новая Каффа покорила моё сердце. Я захотел здесь остаться.

С капитаном я договорился, что буду работать у него до тех пор, пока он не найдёт нового цирюльника, стойкого морской болезни. Наш корабль дважды сходил в Трапезунд, и там тоже было интересно, но в Каффе мне больше нравится. За время плавания поднакопилось у меня денег, которых хватило снять небольшой домик у реки под городскими стенами, а рекомендации матросов и капитана привели первых желающих постричься. Мало-помалу дело пошло на лад. Появились постоянные клиенты на стрижку и покраску волос, но особенно я прославился искусством зашивать раны.

Через два года пришло от родителей письмо. Отец писал, что пора уж мне заканчивать скитаться по дальним краям, надо остепениться, обзаводиться семьёй. Они и невесту мне присмотрели. Я читал и думал: не хочу в скучную Павию. Как я уеду из города, в котором так интересно жить? Но пойти против родительской воли — навлечь на себя гнев Божий. Что делать-то?

Пошёл я на исповедь. Так и так, святой отец, грешен, намерен пойти против родительской воли, не хочу домой возвращаться. Священник меня выслушал. А поскольку на днях я избавил его от зуба, который болел две недели, то отпущение грехов я получил очень быстро.

В письме домой я написал, что пока не могу уехать: много работы в Каффе, и сопроводил послание векселем на пятьдесят дукатов. Родители в ответ прислали благословение жениться, на ком захочу.

Пять лет живу я в Каффе и уже со статусом *habitor*. Здесь все думают, что я из Генуи: ещё бы, я прожил в этом городе две недели. Жена моя — из местных ромеев, дочь моряка, чей корабль часто ходит с товарами в Трапезунд, так что я всегда знаю последние портовые новости. Родную тихую Павию я уже почти забыл. Иногда приходят письма от родителей: слава Богу, живы. Я отправляю им деньги, и все довольны.

Я приятельствую со стражниками, что охраняют башню святого Антония, и они разрешают мне подниматься на самый верх, посмотреть на город. Я гляжу на большую синюю тарелку залива, на которой пестрят парусами сотни судов, и вдыхаю воздух с моря, к которому примешан аромат заморских специй. На берегу гомонит людской улей базара, клубится пыль под колёсами повозок на дорогах, сияют на солнце кресты латинских, армянских и греческих церквей. Вокруг города наконец-то начали копать длинный ров, по которому пойдёт в море вода, что стекает с горы во время дождей.

Больше всего я люблю бродить по базару, рассматривать заморские товары. Я раньше думал, что Генуя — это далеко, а Каффа и вовсе на краю земли. А оказалось, что мир намного больше, и Каффа не на краю света, живут люди и за морями, вон сколько интересного из дальних краёв купцы привозят.

С каждым кораблём прибывают в Каффу новые люди, много кто остаётся здесь жить. Работы в городе и в самом деле много. Нашлась она и для меня, скромного цирюльника родом из Лангобардии, которого здесь все называют генуэзцем.

Глава 1. Черкесия (фрагмент)

Морозы этой осенью пришли рано. Абрикос сбросил последние листья, и они укрыли нашу крышу жёлтыми кружочками. Издалека казалось, будто наш дом покрыт слоем золотых монет. Я видела настоящие золотые монеты, мне Майзет показывала, когда я приходила к ней в гости. За морем никто не меняет просо на ткани, объяснила она. Там всё меряют в золотых монетах. Сначала покупают просо за монеты, а потом монеты отдают за ткань. Я тогда сказала, что как-то это слишком сложно. Неужели нельзя сразу обменяться, без монет. А что если хозяйину тканей просо не нужно, возразила Майзет. Я ещё не видела человека, которому просо не нужно, но спорить с подругой не стала.

Дни уменьшались в размерах постепенно и неизбежно, как и наши запасы в кладовой. Непогода загнала под крышу людей и овец, а нашим не повезло: ночная буря попортила крышу старого сарая. Отец с Астэмыром собирались идти её чинить чуть ли не затемно, но мама уговорила их сначала поесть: бобы размокали на очаге ещё с вечера, осталось только посолить. Она подошла к очагу с горшочком соли в руках. Зэрэдах поворошила угли, языки пламени осветили её грустное лицо.

— Доченька, почему глаза опухшие? Ты плакала?

Зэрэдах склонила голову и отвернулась.

— Она плакала, потому что не верит, что сватов дождётся, — сообщила я.

Зэрэдах закрыла лицо руками.

— Сестра, отец весной меня продаст за красивые ткани и толпу баранов, и у тебя будет богатое приданое, — проворковал Астэмыр.

— Так уж прям и толпу баранов? — засомневалась я.

— Да, потому что я сильный и дорого стою! — горячо заверил Астэмыр. Ну всё, сейчас вспылит и мы опять будем шуметь на всё селение.

— Шьхьэхан, Астэмыр, прекратите! — Отец хорошо знает, чем заканчиваются наши ссоры. Он задумчиво поскрёб щёку. — А ведь и в самом деле, хватит ли приданого, чтобы Кундет согласился взять Зэрэдах за своего сына. Что думаешь, Таганеф?

Мама пожала плечами.

— Кундет, может, и согласится, да его жена очень уж любит, чтоб богато было. Боюсь, она не примет невестку из бедных.

Даже слабого отблеска от очага оказалось достаточно, чтобы заметить, как Зэрэдах потемнела лицом.

— А вы ещё и меня продайте, — предложила я.

Четыре пары глаз ошарашенно уставились на меня.

— Шьхьэхан, а тебе это зачем? — Отец опомнился первым.

— А с чем вы меня замуж отдавать собираетесь, если даже приданое для Зэрэдах собрать не можете? И у неё хотя бы сундук есть из того, что сама сшила. А в моём лежит только то, что в её сундуке не поместилось.

— Да уж, — вздохнула мама. — Тебя к прялке не усадишь.

— Сестрёнка, а ты точно уверена? — прошептала Зэрэдах. — Там, за горами, незнакомые места, кругом чужие люди.

— А ты, сестра? Я хочу, чтобы ты была счастлива рядом с человеком, который тебе по сердцу.

Отец задумчиво молчал. Мама хрустнула пальцами. Двое детей сразу — для неё это много.

— Мама, ну ты же знаешь, как старики говорят? «То, что родилось у тебя в доме, тебе не принадлежит». — Астэмыр повернулся к отцу. — Помнишь, как ты прошлой весной двух ягнят соседу продал за мешок проса? И мы все до наступления тепла были сытые.

— Э-ммм... — Зэрэдах запнулась. — Я когда к тётке Гоцэнатху приходила чесальную щётку одолжить, услышала, что дочка их соседей весточку прислала. Они её продали куда-то за море. Сейчас она живёт в богатом доме, ходит в красивом платье и носит хозяйке еду на подносе.

— Я тоже хочу в красивом платье носить еду на подносе! — выпалила я.

— А кому они её продали? — поинтересовался отец.

— Не знаю. Какому-то торговцу на торжище у Рум-горы.

— Надо сходить, узнать.

Мама тяжело опустилась на пол возле очага. По щеке у неё сползла слезинка. Отец присел рядом, обнял маму за плечи.

— Не плачь, родная. Наши дети уже выросли. — Он метнул взгляд на меня. — Они уже ВСЕ выросли.

Ночью я долго не могла заснуть. Зэрэдах тоже ворочалась на своей лежанке: ну точно кудри Лъэстэнала вспоминала. Что в них такого особенного, в тех кудрях, не понимаю, ну да ладно, Зэрэдах виднее. А я весной уеду из этой маленькой долины, где знаю каждый камень, мне здесь уже скучно. Увижу море. Какое оно? Говорят, оно как небо, только ещё больше синее. У меня будет новая жизнь. В самом деле, почему Астэмыру можно, а мне нельзя?

Глава 2. Каффа: первый год (фрагменты)

Анаит наблюдала, как Мария замешивает тесто для лепёшек.

— Не слишком ли густое тесто, Мария? Лепёшки не будут тонкие.

— И не надо тонкие. Пусть лепёшка будет толстая. Она в середине раскроется, я вовнутрь потом положу начинку.

— Не лучше ли испечь тонкую лепёшку и потом в неё начинку завернуть?

Я не могла не вмешаться.

— А меня мама учила, что начинку надо сразу положить между двух слоёв, и потом жарить.

— А если в тесте дырка сделается, и начинка вываливаться начнёт, что будешь делать?

— А надо сделать так, чтобы дырок не было!

— Зачем морочиться с дырками, если можно просто тонким слоем запечь, а потом свернуть!

— Не тонким, а толстым, и не заворачивать, а вовнутрь класть!

Дрова почти прогорели, а мы продолжали спорить, как правильно жарить лепёшки. Анаит с Марией уже были готовы вцепиться друг другу в волосы, когда в дверях появился синьор Джакомо.

— Что за шум?

— Анаит и Мария спорят, тонкие должны быть лепёшки или толстые, а я говорю, что начинку надо сразу класть!

— Мы так без ужина останемся! Хватит пререкаться, Мария, поджарь уже хоть что-нибудь!

— Мария толстые лепёшки собралась жарить, а не тонкие! — Анаит уже готова была расплакаться.

— Какая разница, тонкие или толстые, пусть они вообще будут. — Синьор Джакомо явно не понимал, почему Анаит так нервничает.

— Ах вот как? Никакой разницы, значит, что я думаю? Я здесь вообще никто! Ем что дают, делаю что говорят...

— По-моему, ты вообще ничего не делаешь, — заметил синьор Джакомо.

— Лучше бы платье сшила, — вмешалась Мария.

— У меня ножниц нет. И лепёшек я ваших не хочу! — Анаит повернулась и понеслась вверх по лестнице.

— Так почему ты молчала? — вопрос синьора Джакомо повис в пустоте. — Флоре, купите ей завтра ножницы и что там ей ещё надо.

Мария поджала губы и вернулась к своему тесту.

Анаит к ужину не вышла.

*** Через несколько месяцев

Калитка громко хлопнула, возвещая о том, что Ануш наконец-то ушла. Анаит нервно крутила на пальце кольцо. Мария, насупившись, тёрла щёткой железную крышку котла.

— Это от неё идут разговоры по базару. — Я думала, Анаит начнёт сейчас спорить, но она молчала. Мария пробурчала что-то неразборчивое, но явно недоброжелательное.

— Я не хочу, чтобы она приходила. — Госпожа поёжилась, как от сквозняка. Мария кивнула.

— Моя мама всегда, чтобы уберечь дом от злого взгляда и зависти, пироги протыкала.
— Я воодушевилась от собственной идеи. — Надо пожарить пирог и проткнуть его ножом. Маму бабушка научила, она была мудрая женщина.

— Значит, воспользуемся советом твоей бабушки. — Лицо Анаит было грустным и серьёзным. — Мария, замесишь тесто завтра с утра.

На следующий день, пока Мария возилась с тестом, я сбегала на рынок за свежим творогом. Потом мы втроём крутились у очага, позабыв старые споры. Мария делила на части тесто и раскатывала в аккуратные кружочки. Я смешивала творог, яйца, лук и чеснок. Анаит я заветрила, что если соли немного, творог вытекать не будет, и показала, как оборачивать начинку тестом, чтобы не было дырок.

Мария разогрела на очаге противень из лужёной меди, и Анаит принялась аккуратно выкладывать на него пироги. Те послушно надувались, и каждый она сосредоточенно прокалывала ножом. Я смазывала пироги сметаной и складывала в стопку. Когда на тарелке образовалась уже настоящая башня, за забором появились две чумазые мордашки. Анаит рассмеялась.

— Отнеси им пирогов, пусть угощаются.

Когда я постучалась в соседскую калитку, меня уже ждали.

— Ваши ароматы на всю улицу разносятся! Что вы там делаете?

— Я рассказала моей госпоже, как у нас в Черкесии жарят пироги!

Мальчишки мгновенно расхватили угощение, а их мама щедро насыпала в опустевшую тарелку вяленых фиг.

Часть пирогов Мария унесла домой, пообещав, что раздаст родственникам. Мы с Анаит сели доедать остатки.

— А ещё можно из мяса начинку сделать.

— У нас мясо коптят на крапиве.

— А у нас на абрикосовых дровах.

Мы ещё долго обсуждали лепёшки, начинки и все известные нам способы жарки, варки и копчения мяса, и пришли к выводу, что пироги надо жарить почаще.

Глава 3. Каффа: последние два года (фрагмент)

— Мммю! — отчаянный вопль из-под пергаментных свитков заставил нас всех дёрнуться. Мария выскочила из кухонных дверей. Макрино шмякнулся со скамейки на пол. Я едва не выронила метёлку.

Синьор Джакомо вбежал во двор, на ходу бросая вещи, которые принёс с корабля. Сдвинув портолан, хозяин выковырял из корзины полосатый комок, который отчаянно дёргал хвостом.

— Это наш корабельный кот. Пока «Флоре ди Монтанья» стоит на ремонте в доках, он побудет у нас.

Из дома выскочила Анаит.

— Ты хочешь сказать, что этот полосатый дьявол теперь будет жить в нашем доме?

— Только на время ремонта корабля, дорогая. И дьявол он лишь для корабельных крыс. А для нас всех он милейший котик, который умеет громко мурлыкать.

Милейший котик продолжал дёргать хвостом, прилепившись к земле и прижав уши.

— Он точно умеет мурлыкать? — Макрино высказал сомнение, которое было в головах у всех.

— Пообвыкнется, успокоится, тогда увидишь. — Синьор Джакомо взял кота на руки. Тот прижался к нему всей кошачьей плоскостью, не переставая дёргать хвостом из стороны в сторону. — Отнесу пока к себе в комнату, там посмотрим.

Хозяин ушёл обсуждать с корабелями ремонт корабля. Кот в его комнате будто растворился. Мы приходили искать – не нашли.

Весь оставшийся день мы слушали бурчание Марии про «полосатого дьявола» и прислушивались к звукам сверху. Тишина.

Уходя домой, Мария столкнулась с хозяином в калитке.

— Ты кормила кота?

— Как я его покормлю, синьор, если он не появляется? Я плошку с водой поставила под столом.

— Дай что-нибудь из еды, я ему положу. Вылезет ночью, съест.

Ночью нас разбудил грохот на кухне. Я выскочила из своей каморки, на ходу пытаюсь высечь искру, чтобы зажечь светильник. Прибежала встрёпанная Анаит, следом за ней синьор Джакомо. Мне наконец-то удалось зажечь огонь. Нашим взглядам предстало зрелище перевернутой посуды, сброшенных на пол ложек и среди них — кота с крысой в зубах.

— Мама, что случилось? — Из-за подола рубашки Анаит выглянул напуганный Марино.

— Кот поймал крысу.

— Вот видишь, мама, я же тебе говорил, что это хороший котик.

У котика с крысой в зубах был такой свирепый вид, что даже я усомнилась в его хороши. Но синьор Джакомо аж сиял от гордости.

— Вы ещё не знаете, на что способен этот кот!

— Зато мы знаем, на что способна рассерженная Мария, когда придёт утром и увидит разгром на кухне! — фыркнула Анаит.

— Госпожа, я всё уберу. А крысу мы Марии покажем. Ей понравится.

— Крыса ей понравится?

Утром я стерегла кухарку у входа на кухню.

— Мария, сегодня ночью кот поймал крысу.

— Ну хоть какой-то толк от этого кота. Интересно, где он сейчас? Опять у хозяина под кроватью? — Мария привычным движением схватилась за котёл. — Ой!

Из котла вывалился кот и рванул из кухни, едва не сбив меня с ног.

— Похоже на то, что кот после охоты на крыс решил поспать в котле.

— Да лучше бы я его там сварила, негодяя окаянного! Так пугать — можно без сердца меня оставить!

Весь день мы кота не видели. Ночью на кухне было какое-то шуршание, но я так хотела спать, что посмотреть не пошла. Наутро на пороге кухни лежала ещё одна задушенная крыса. Кота нигде не было. Я проверила котёл. Там было пусто.

— Флоре, цветочек, сегодня надо будет нам с тобой сходить на базар. — Мария, как всегда деловито, начала утро с планов. — Просо заканчивается, и неплохо бы прикупить ароматных трав. — Она открыла крышку сундука. — Ой!

Из сундука серой молнией выпрыгнул кот и скрылся за дверью кухни.

— Нет, этот кот точно сведёт меня с ума!

— Как он вообще мог в сундуке оказаться? — на пороге стоял синьор Джакомо.

— Крышка у него не закрывается.

— Так это кот вам виноват, что вы никак плотника не позовёте, чтобы он вам сундук починил?

— Два раза уже звали, но этот лентяй Христофор никак не придёт!

Ближе к полудню в нашу калитку постучали. Я пошла открывать.

— Доброго дня вам. — Коренастый мужчина с косматой бородой поднял с земли небольшой, но тяжёлый деревянный сундучок. — Я Антонио, корабельный плотник. Где тут у вас сундук починить?

Пока Антонио раскладывал на кухонном полу инструменты, я выгружала из сундука содержимое.

— О, а вот и наш красавец. Иди сюда, мой хороший! — Антонио присел на корточки, чтобы погладить невесту откуда взявшегося кота. Тот задрал хвост вверх и громко заурчал. — Ай да молодец, ай да хороший котик. Хозяин говорил, ты уже две крысы тут поймал?

Кот урчал и урчал, описывая круги вокруг ног Антонио, тёрся боком о его штанину и топорщил усы.

— Хороший это кот. Хозяин его нашёл голодным котёнком где-то в порту Трапезунда. Откормил, выходил. А потом этот полосатый стражник всех крыс в трюме переловил!

— Синьор говорил, что мы ещё не знаем, на что способен этот кот. Пока что мы видели, как он сносит с полок посуду и сводит с ума кухарку.

— Он погоду умеет предсказывать.

— Погоду?

— Он перед штормом всегда мяукает, бегают туда-сюда и трёт лапкой ухо. Мы сразу бросаемся всё с палубы убирать и паруса спускать, даже если небо чистое. Кот ещё никогда не ошибался.

Вечером синьор Джакомо принёс бухту корабельного каната.

— Папа, зачем нам эта большая верёвка?

— Будем сейчас делать коту домик, чтобы Мария не осталась без сердца.

Вдвоём они скрутили из каната что-то похожее на гнездо с высокими бортами. Синьор Джакомо разыскал кота и принёс на кухню.

— Смотри вот, мы тебе принесли часть корабля.

Кот устался на канат, будто видит его в первый раз. Вытянулся в прямую линию, долго нюхал воздух. На полусогнутых подошёл к канату, тронул его лапой: он точно здесь? Поднялся на задние лапы, заглянул внутрь. Повернулся, посмотрел на синьора Джакомо.

— Да-да, тебе это, тебе.

Ночью из кухни доносилось знакомое шуршание, но крысы на пороге утром не оказалось. Я заглянула в канатное гнездо. На его дне, свернувшись в кружок, мирно спал кот.

Глава 4. Плавание (фрагмент)

Разболелась голова, живот крутило, от одной мысли про еду начинало тошнить. Когда мы плыли из Мапы, вода была тихая и корабль так не болтало, ещё и Бараках занимал нас разговорами. Здесь же никому нет дела до меня, а мне нет дела ни до кого. Летиция уткнулась в мой бок и тихонько скулила. Ей тоже было нехорошо.

Скрежет якорной цепи будто ножом прорезал мою голову изнутри. Я застонала.

В двери появился Макрино.

— Флоре, ты уже не спишь? Мы в Воспоро. Я сказал отцу, что ты от моря болеешь, а он ответил, что походить по твёрдой земле тебе будет полезно. Первая барка уже подходит. Она вас заберёт на берег. У нас тут грузы на Трапезунд и какие-то люди до самой Генуи.

Летиция встrepенулась.

— Мы погуляем, да?

Я вздохнула. Воспоро так Воспоро.

Макрино положил на стол несколько монеток.

— Мы тут недолго. До заката надо отплыть.

— Почему?

— Чтобы под покрывалом темноты уйти в открытое море. Здесь опасные берега, много пиратов.

Я сползла с лежанки. Голова гудела. Летиция уже прыгала возле сундука.

— Я надена зелёное платье. А ты?

Мне было всё равно.

Летиция вытащила из сундука вышитые сафьяновые башмачки, которые синьор Джакомо прошлым летом привёз в подарок из Трапезунда.

— Лоло, это твои? Да? А почему ты их не носила?

Сама не знаю, почему я их не носила. В старых было удобно.

— Лоло, ты их наденешь?

Я нехотя влезла в платье, натянула обувь и вытащила из сундука красный шарф. Анаит его когда-то купила для меня. Она постоянно твердила, что красный цвет мне к лицу.

От яркого солнца голова заболела ещё сильнее. Я кое-как забралась в барку и стала смотреть на берег. Это он и есть? Столько разговоров: Воспоро то, Воспоро это. А у него размеры, как у двух кварталов Монтанеллы. Одни ворота, одна церковь, несколько башен, дюжина домов. И всё это окружено толстыми высокими стенами, такими же, как у Каффы. Только если Каффа разлеглась на берегу как широкий ковёр, то Воспоро больше похож на сжатый, всегда готовый к удару каменный кулак.

Мы зашли в ворота и принялись петлять в толпе среди повозок, мешков, лавок и корзин. Улица, и без того узкая, вмещала в себя ещё и рынок.

На углу стоял большой глиняный чан, из которого веяло ароматом хлеба и розмарина. Дородный краснощёкий ромей улыбнулся Летиции, от чего его лицо стало ещё шире. Из глубины чана будто сама собой возникла круглая румяная лепёшка.

— Чесноком вам полить или мёдом, юная красавица?

Летиция выбрала с мёдом.

Мы прошли чуть дальше, посмотреть на церковь. Одна на весь Воспоро, зато большая. Красивая, из светлого камня с полосками красного кирпича.

Наверно, у Воспоро за каменными стенами ещё бурги есть, подумалось мне. Одна церковь, даже такая большая, не может вместить столько людей.

Мимо прошёл высокий латинянин. В руках он тащил шлем, доспехи и мешок с вещами. С плеча соскользнул арбалет и ударил рогом по руке Летиции. Медовая лепёшка упала в пыль. Летиция разразилась громким рёвом.

— Осторожнее надо быть, куда ты смотришь! — заорала я. От злости даже головная боль выветрилась. — Кто так арбалет носит!

— Сами виноваты, сеньорита! — огрызнулся арбалетчик. — За руку дитя держать надо!

Кондотьер скрылся в толпе. Мы пошли обратно и купили новую лепёшку. Летиция уговорила меня съесть половинку.

Оставшееся время мы сидели на берегу и смотрели, как снуют между «Флоре» и причалом погрузочные барки. На последней мы вернулись на корабль. Забираясь по лестнице, я запуталась в шарфе, но Антонио вовремя поймал меня за руку.

— Как ты, Флоре? Воспоро понравился?

— Маленький и тесный. И какой-то дурак назвал меня сеньоритой.

Антонио посмотрел на сафьяновые башмачки, хмыкнул, но ничего не сказал. Летиция побежала к Макрино. Я побрела на корму.

— Как, и эта драная кошка с нами? — донеслось на лигурском с бака.

О дзуары. Вот кто эти люди до Генуи: пятеро кондотьеров с арбалетами, и среди них этот долговязый.

Я вломилась к себе в каморку и хлопнула дверью. Кипящая кровь стучала в висках. В лицо, значит, синьорита. А за спиной, значит, драная кошка. Ну получишь ты ещё у меня.

Глава 5. Генуя (фрагмент)

Я открыла дверь. На пороге стоял Паоло.

От неожиданности я выронила ключи. С громким стуком они упали на ступеньки. Поднимать их мы кинулись вдвоём и стукнулись головами. Из рук Паоло выпала небольшая корзинка.

Я покраснела и не знала, куда девать глаза. Как же неловко получилось!

— Здравствуй, Флоре.

— Здравствуй, Паоло. — Я смущённо теребила в руках ключи.

— Может, пригласишь войти?

— Ой. — Я ещё больше покраснела. — Входи, конечно, входи. Макрино, Летиция, смотрите кто к нам пришёл!

Дети с грохотом скатились по лестнице.

— Синьор Паоло! — Макрино повис на локте у гостя. — Летика, помнишь, как этого дядю в рыцаря наряжали?

Паоло смущённо пригладил взлохмаченные вихры и улыбнулся.

— Ну да. Всем тогда понравилось, кроме меня.

От улыбки на щеках появились знакомые ямочки. Какие же они милые...

— Смотрите, что я привёз! — Паоло торжественно приподнял корзинку. Дети притихли, округлив глаза и ротик в ожидании чуда.

Паоло осторожно развязал узелок и медленно приоткрыл крышку. Под слоем тонкой соломки лежал ряд огромных абрикосов, плотно завернутых в виноградные листья. По гостинной поплыл тонкий сладкий аромат. Вкусный, нежный, знакомый...

Внутри у меня всё сжалось.

Точно так же пахли плоды с дерева, что росло возле нашего дома. Когда абрикосы созревали, к нам сбегались все дети аула. Мы с братом сами срывали с веток сияющие солнцем плоды и следили, чтобы всем досталось. Мама никогда не сердилась за то, что ни один абрикос не попадал в кладовку. Наоборот, она радовалась, что дети счастливы: и свои, и чужие. Да и не было среди нас чужих. Все друг другу были как родные...

— Флоре, о чём ты задумалась? — Голос Паоло вернул меня в сегодня. — Бери абрикос, а то не достанется. Макрино уже второй ест.

— Благодарю. — Я взяла солнечно-жёлтый плод и разломилась надвое. Хотелось, чтобы так было всегда: аромат абрикосов, счастливые дети...

— У нас рядом с Пьяченцей долина есть, закрытая от северного ветра. В ней абрикосовый сад ещё со времён императора Августа. Едва ли не лучшие абрикосы во всей Эмилии. Или единственные. — Паоло лукаво улыбнулся. — Холодно им здесь.

— У нас в Черкесии тоже абрикосов немного. В нашем ауле всего одно дерево было, возле родительского дома. Мы весь урожай прямо с веток съедали, на мэрэзэй никогда не оставалось...

— Мэрэзэй — это что?

— Это тонкая фруктовая лепёшка. Сливы или яблоки немножко варят, потом протирают через сито, смешивают с мёдом, размазывают тонким слоем и оставляют сохнуть на солнце. Потом скручивают, как свиток пергамента.

— Вкусно, наверно.

— Ещё как. Но здесь такое не делают.

— Я бы хотел попробовать.

— Да, надо бы сделать.

Паоло смущённо теребил край плаща.

— Флоре, может быть ты...

— Макрино, Летиция, остановитесь! — Я возмущённо показала на почти пустую корзину. — А оставить папе?

Летиция что-то виновато пробубнила с полным ртом.

— Флоре, а можно мы на площади возле колодца погуляем? Уже не жарко. — Макрино, мелкий плут, сообразил, что сейчас я точно не буду возражать.

— Идите.

Дети исчезли быстрее, чем я успела сгрести со стола виноградные листья.

— Прости, Паоло, ты наверное к синьору Джакомо пришёл? Он будет только поздно вечером.

— Ну... Я... — Паоло опять пригладил волосы, хотя это уже не нужно было.

— Как ты поживаешь сейчас?

— Во фруктовой лавке работаю. Она уже почти моя. У старика Луиджи не осталось наследников, и я выкупил у него половину стоимости лавки, а вторую половину обязался выплатить из жалованья в течение двух лет. Теперь я гоняю на лошади по всей Эмилии, договариваюсь с владельцами садов о поставках, а Луиджи сидит за прилавком.

— Получается?

— Получается. Прибыли у Луиджи выросли. Только стар он уже, тяжело ему одному. Каждый день спрашивает, когда я женюсь. Уже про всех девушек Пьяченцы мне понарасказывал...

— А ты?

— А я пошёл к Пьетро, и он объяснил мне, где тебя искать.

Догадка, о которой я даже не смела мечтать, прорвалась в моё сердце и заставила его биться быстрее.

— Так ты разве не к синьору Джакомо пришёл?

— Я к тебе пришёл. — Паоло опустил глаза и густо покраснел.

В тишине было слышно возгласы детей на площади у колодца.

Паоло повёл плечом и чуть наклонился вперёд. Выдохнул. Вдохнул.

— Флоре, я не видел девушек умнее и красивее тебя. Ты разбираешься в фруктах, умеешь писать и считать и знаешь, как разговаривать с людьми. С тобой моя лавка будет самой популярной в городе. Выходи за меня, и твоя жизнь каждый день будет наполнена ароматами яблок и абрикосов...

У меня остановилось дыхание. Ключи со звоном упали на пол. Оказывается, всё это время они были у меня в руках.

— Паоло... — Я облизнула пересохшие губы.

Он, кажется, вообще не дышал.

— Паоло... Ты предлагаешь мне жизнь, про которую я не могла даже мечтать. Но я... Я не могу. Я не могу выйти за тебя замуж...

— Флоре, я всё устрою. Я куплю тебе свободу. Уговорю капитана Джакомо, возьму займ в банке. Я не спрашиваю про приданое, мне нужна только ты...

— Паоло, дело не в деньгах.

— Я тебе не нравлюсь?

— Нравишься. Очень.

— Тогда почему?

— Летиция ещё слишком мала. Я не могу оставить её одну.

— Но она же не твоя дочь.

— У нас в Черкесии говорят: мать не та, что родила, а та, что кормит. Поэтому сейчас она моя дочь. Я пообещала Анаит, что буду любить и защищать её детей. Ради светлой памяти их матери... Нет, я не могу. Они останутся совсем одни. Их отец постоянно в море...

Паоло сидел чуть боком, глядя в пол. Я его почти не видела. Слезы пеленой закрыли глаза.

Вспомнилась мама. Она была такой счастливой, когда мы смеялись. Никогда не пропускала возможности обнять нас, поцеловать укладкой. А суровый на вид отец постоянно твердил мне и брату: всегда помни о тех, кто слабее тебя.

— Флоре...

— Да?

— Я, пожалуй, пойду.

— Да.

Он тяжело поднялся, сделал несколько шагов к дверям.

— Паоло, прости меня. Я сидела бы в твоей лавке, я родила бы тебе детей, но...

— Но они у тебя уже есть.

— Паоло!

Хлопнула дверь. Я рухнула на каменный пол и разрыдалась.

Эпилог

Каффа, 1390 г.

— Эй, Григорий, доброго здоровья, как твои дела?

— Слава Богу, Андреа, потихоньку!

Спешить мне некуда. Я уже развёз дрова по Монтанелле. Колокол часов пробил шесть. Моя повозка медленно ползёт в сторону ворот Двенадцати апостолов. Андреа бежит домой из католической школы. Славный мальчишка, шустрый и смыслённый, точно своего отца превзойдёт. Синьор Микеле начинал простым учётчиком на площади весов, а сейчас агент нескольких богатых купцов. Отправляет целые караваны кораблей с товарами. Жена его, донна Лючия, на всю Каффу славится красотой и добротой. Кой-чего мне подсказывает, что её муж к созданию этой славы сильно руку приложил, хех.

— Что кряхтишь, Григорий? Годы свои пересчитываешь? — Стражники ворот башни Христа смеются. Пока есть немного времени, вышли потоптаться у входа в каструм, перекинуться словечком с прохожими. Скоро опять поднимутся к колоколу, отбивать следующий час.

Годы мои и вправду долгие. Помню ещё те времена, когда эти ворота были входом в город. Подошли к ним татары, встали лагерем, взяли Каффу в осаду. Я пришёл тогда к капитану оргузиюв и сказал: я знаю, как по соседней ложбинке подобраться к лагерю незаметно. Надо только дожждаться тумана. Вызвались со мной пойти дюжина смельчаков. Мы подождали, когда накроет гору белая пелена, обошли соседний холм и спустились сверху к тому краю лагеря, где хранились запасы сена. План был такой: поджечь сено, отвязать лошадей, и в переполохе подобраться к осадным машинам. Так оно и получилось. Напуганные лошади носились по лагерю, сбивая палатки и людей, татары не знали куда бежать и от кого обороняться. Мы с факелами устремились к адским деревянным башням, с помощью которых летели камни на город. Всё сожгли, ещё и добычи успели себе набрать. Мне достался отличный топор, которым я потом рубил дрова много лет.

Живу я на краю леса на горе, где расходятся две дороги: одна на Солхат, другая в Провато. Люблю я вечером на порог выходить, смотреть на город. Вьётся дымок от вечерних очагов (кто ж им дрова-то привёз, хех!), серебрится вода залива с пятнышками парусов. Плотно прижались друг к другу черепичные крыши бургов, обрамляет их длинная каменная стена, будто обнимает. Видел я, как вырастала эта стена, врезались в небо зубцы башен, укреплялись края глубокого рва. Знакомы мне в стене все ходы и выходы, известно и тайное место, где подземным тоннелем протекает в город река. Нельзя меня в плен брать, я слишком много знаю, хех.

Я всю жизнь с деревом вожусь, а сын мой старший в кузнецы пошёл. Лучшие в Каффе бармицы собирает, тонкие, гибкие, прочные. А самую первую бармицу и шлем-бацинет он брату подарил. Младший мой с малых лет к арбалету тянулся, и стрелять начал учиться, едва только смог его поднять. Потом за городской стражей бегал, а сейчас нанялся в солдаты. Буду, говорит, свой город охранять. Дело хорошее, пускай служит. Вот и сейчас, когда ползёт повозка моя домой, он где-то на стене стоит, смотрит на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.